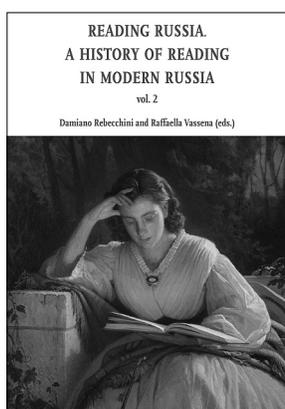

Кирилл Зубков

История русской литературы долгого XIX века как история чтения

DOI: 10.53953/08696365_2023_180_2_327

Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia /
Ed. by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena.
Milano: Ledizioni, 2020. — Vol. 2. — 568 p. — (Di/Segni).

Второй том коллективной англоязычной монографии по истории чтения в России под редакцией Дамиано Ребекини и Рафаэллы Вассены посвящен «долгому девятнадцатому веку» — в книге рассматривается период 1800—1917 гг. Хотя авторы используют разные подходы, от традиционной истории литературы до социологии чтения, монография объединена общей задачей — создать последовательное изложение истории литературы как истории читателей и читательских практик. Для русской литературы такая постановка вопроса очень актуальна: в этой области исследователи до сих пор мало интересуются участниками литературного процесса, за исключением собственно писателей и критиков. Книга содержит огромный массив

разнообразных сведений — от читательских предпочтений посетителей библиотек в Российской империи конца XIX в. до реакции на новые романы при дворе Николая I, от степени распространения лубочной литературы до писем читателей, адресованных Достоевскому или Брюсову. Описывая историю русской литературы как историю чтения и читателей, авторы создают целостную картину, в которой единая концепция исторического процесса (о ней речь пойдет в конце отзыва) не противоречит подробным экскурсам в отдельные вопросы, ранее не становившиеся предметом внимания исследователей. Участники монографии стремились осветить как общую динамику социальных и культурных процессов в этот период, так и отдельные показательные случаи, иллюстрирующие их сложность и неоднозначность этих процессов. В этой связи их работа состоит из двух разделов: в первом из них помещены обобщающие исследования, охватывающие обширные периоды и группы читателей, а во втором — более локальные главы, где рассматриваются частные кейсы.

Первый раздел монографии открывает глава *Дарьи Хитровой* «Чтение и читатели поэзии Золотого века, 1800—1830». Описывая произведения русских поэтов в перформативной перспективе (так исследовательница определяет свой подход), Хитрова показывает, что тексты самых разных авторов этого периода, от Батюшкова до Баратынского, во многом ориентированы на соучастие читателей и читателейниц. Ключевую роль исследовательница отводит проблеме присвоения чужого поэтического текста, которое в это время воспринималось скорее не как нарушение авторских прав (юридическая проблема литературной собственности в главе не

рассматривается, хотя это, возможно, было бы перспективно¹), а как нормальное использование произведения. Хитрова подводит под эту категорию такие разные явления, как перевод, переписывание в альбоме, подражание и др.

Вторая и третья главы, написанные *Дамиано Ребеккини*, посвящены чтению соответственно иностранных и русских романов в первой половине XIX столетия. В первой из них ученый показывает, что именно в этот период в России возникает фигура читателя романов, предпочитающего их другим, ранее более престижным литературным жанрам. Несмотря на осуждение критиков, считавших романы или бесполезным, или вредным чтением, запрос на них был очень широк и объединял самые разные круги, от придворных до отдельных грамотных представителей городских низов. Особенно интересным кажется соображение, что такие разновидности романов, как готические, исторические, неистовые и прочие, в российских условиях сменяют друг друга значительно быстрее, чем в Западной Европе, и фактически оказываются синхронными. Как кажется, это может быть одной из причин особой напряженности российской «литературной эволюции» (Ю.Н. Тынянов), где архаизм и новаторство причудливым образом соединяются. В следующей главе речь идет о взлете оригинального русского романа 1830—1840-е гг., который исследователь связывает с успехом новых форм литературной экономики и медиа, включая распространение толстых журналов. Наиболее успешной разновидностью русского романа ожидаемо оказывается исторический роман, под пером Загоскина, Булгарина, Лажечникова и других становящийся едва ли не самым успешным типом оригинальной прозы. Впрочем, значение романа выходит далеко за рамки одного жанра: его успех способствовал появлению новых, более современных моделей чтения (речь об этом еще пойдет в главе Кэтрин Бауэрс).

Рассматривая читательские аудитории второй половины XIX века, *Абрам Рейтблат* демонстрирует, что литература в это время привлекала не только столичную интеллигенцию и состоятельных помещиков, но и самых разных людей: рабочих, мелких чиновников и офицеров и многих других. Рейтблат анализирует институты, благодаря которым чтение становилось доступно для этих непривилегированных обитателей Российской империи. Так, в его работе речь идет о разнообразных общедоступных изданиях, включая периодические, в библиотеках, распространении неподцензурной рукописной литературы (например, порнографического содержания). Хотя все эти разнообразные читательские сообщества были крайне фрагментированы и не столь многочисленны, как в Западной Европе, количество их участников стремительно росло.

Джонатан Стоун, автор главы под эффектным названием «O!?!?!: Чтение и читатели Серебряного века, 1890—1900-е», показывает, что на место более ранней пассивной концепции публики в эпоху модернизма приходит представление об активном читателе, непосредственно участвующем в творческом акте. Только такой самостоятельный читатель был способен расшифровать парадоксальную поэтику произведений этого периода. В главе приводятся многочисленные примеры восприятия модернистских текстов как ошарашенными и возмущенными читателями, придерживающимися традиционных взглядов, так и новыми, готовыми попытаться читать по новым правилам. Постепенный успех модернизма исследователь связывает с распространением этого нового читателя, а так называемый кризис символизма — с чрезмерной массовизацией, когда «элитарное», рассчитанное на «избранных» искусство оказалось уже привычным в сравнительно широких кругах.

1 Об авторском праве в романтическую эпоху см.: *Mazzeo T. Plagiarism and Literary Property in the Romantic Period. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007.*

В главе, посвященной типам чтения русской поэзии в начале XX в., *Роман Тименчик* на материале многочисленных свидетельств, как из собственно поэтических произведений, так и из эго-документов, показывает, что в России существовали различные представления о чтении поэтов и конкурирующие культы отдельных стихотворцев. Не ограничиваясь заявленным в названии своей главы периодом, Тименчик обсуждает и более поздних читателей поэзии начала XX в. Исследователь показывает, что выбор между различными поэтами делался на основании не только собственно социальных критериев, таких как гендер, национальность, класс, и не только на основании политических взглядов потенциального читателя: определенную роль играли и собственно эстетические предпочтения, подчас совершенно неожиданные. Так, главу завершает эффектный пример Е.К. Лигачева, который оказался любителем поэзии Гумилева.

Однако русскую литературу читали далеко не только представители образованных элит общества, способные воспринимать современную поэзию. В главе «Что и как русские ученики читали в школе, 1840—1917» *Алексей Вдовин* и *Роман Лейбов* подробно рассматривают группу читателей, редко становящуюся объектом научного изучения, — гимназистов и гимназисток. Стремясь реконструировать официальные требования к подростковому чтению и реакцию самих учащихся на эти требования, авторы главы анализируют и тексты учебников и хрестоматий, и многочисленные полемики в педагогической прессе, и сохранившиеся сведения о реальном подростковом чтении этого периода. Результатом становятся развернутая периодизация и анализ становления гимназической программы словесности, до сих пор во многом определяющей изучение литературы в средних школах. Основной целью этой программы, как и во Франции, Пруссии и Великобритании, оказывается воспитание в учащихся национальных чувств и политической лояльности, однако в то же время программа рассчитана на привитие и других качеств, нужных обитателю современного, быстро меняющегося мира.

Еще дальше отходит от образованных потребителей «высокой» литературы *Абрам Рейтблат*, еще одна глава которого посвящена отношению к книге русского крестьянина. Исследователь показывает, что, несмотря на низкий уровень грамотности, жители российской деревни не были полностью лишены доступа к книжной продукции, причем постепенно их отношение к этой продукции становилось все менее враждебным и все более заинтересованным. В отличие от известной книги Джеффри Брукса, посвященной секулярной «низовой» литературе в России², Рейтблат рассматривает постепенный переход от сугубо религиозного к светскому чтению, характерный для многих групп крестьян (кроме, конечно, старообрядцев). Как показывает исследователь, к началу XX в. среди крестьян сложились своеобразные читательские сообщества, а рынок готов был удовлетворить их потребности в литературе, хотя с точки зрения вкусов и предпочтений представители этих сообществ были в целом очень далеки от своих интеллигентных современников из больших городов.

Второй раздел монографии открывает глава *Сьюзен Смит-Питер*, посвященная попыткам сформировать региональное сообщество читателей в Казанской губернии начала XIX в. Благодаря местному университету и газете «Казанские известия» публика этого региона получила возможность участвовать в активной литературной жизни. С точки зрения исследовательницы, необычность этого проекта состояла в том, что читателей газеты, в том числе нерусских обитателей Поволжья, приглашали к активному в ней участию, для которого требовалось сформулировать

2 *Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton: Princeton University Press, 1985.*

и высказать собственную позицию. Такой подход в корне отличался от более поздних представлений о публике как пассивном объекте «просвещения» со стороны агентов государства. В результате печально известного разгрома Казанского университета на рубеже 1810—1820-х гг. возобладали, однако, именно «покровительственный» взгляд на читателя, лишавший его возможности высказать свое мнение.

Кэтрин Бауэрс анализирует своеобразную публику, сложившуюся вокруг готических романов, об успехе которых в России речь шла в главе Дамиано Ребеккини. Как и европейские читатели подобной литературы, российские любители готики прежде всего испытывали сильный эмоциональный аффект, шедший вразрез с их привычным читательским опытом. Анализируя отзывы в литературной критике и многочисленные воспоминания о чтении готических романов, исследовательница описывает, как складывался этот новый тип реакции на чтение. Несмотря на первоначальную враждебную реакцию со стороны некоторых критиков, позже читатели с удовольствием вспоминали «ужас» перед готическими произведениями как важную составляющую своей читательской биографии. Особое внимание уделяется в главе роли женщин в этом читательском сообществе.

В главе *Татьяны Головиной* рассматриваются читательские предпочтения обыкновенных помещиков Владимирской губернии первой половины XIX столетия — Андрея Чихачева, его жены Натальи, их сына Алексея и брата Натальи Якова Чернявина. Обращаясь к архивным источникам, исследовательница демонстрирует, что среди рядовых дворян встречались рефлектирующие и активные читатели, серьезно относившиеся к литературе, пытавшиеся оценивать качество и содержание прочитанного. Читательские предпочтения Чихачевых и Чернявина лежат вполне в русле того, что мог бы ожидать, скажем, читатель литературной критики того времени: здесь и сочинения писателей XVIII в., и поэзия Пушкина, и проза Булгарина, и травелоги, и исторические романы. Как кажется, самое интересное в главе — это демонстрация, что столичная литература в целом вполне доходила до рядового дворянина из провинции.

Маркус Левитт описывает, каким образом многочисленные публикации сочинений Пушкина во второй половине XIX — начале XX вв. способствовали конструированию фигуры национального поэта. Его глава написана на пересечении истории науки (в данном случае филологии), книгоиздания и авторского права. Разумеется, о Пушкине как о национальном поэте писал еще Белинский, однако в реальности широкие слои читателей были в целом с его творчеством незнакомы и не готовы к его восприятию: так, в 1860-е гг. Писарев критиковал Пушкина за чрезмерное «барство», а, например, Толстой подчеркивал, что тот недоступен крестьянам. Однако к концу XIX в. и ученые, комментировавшие и публиковавшие Пушкина, и интеллигенты, считавшие его воплощением общественных идеалов, независимых от правительства (напомним, знаменитый памятник Пушкину в Москве был создан и открыт на частные средства), и представители государства, видевшие в Пушкине удобную фигуру для консолидации общества, были убеждены в том, что Пушкин представляет собою национального поэта. В этих условиях не удивительно, что Пушкин вошел в литературный канон как наиболее значимый писатель (в этом глава переключается с главой Вдовина и Лейбова, где характеризуется роль Пушкина в гимназическом преподавании).

Две последние главы, написанные *Рафаэлой Вассеной*, описывают, как читатели воспринимали Достоевского и Толстого. Рассматривая историю восприятия произведений Достоевского, Вассена обращает внимание на попытки того создать оригинальную форму коммуникации с публикой — активную переписку, активизировавшуюся после появления «Дневника писателя», журнала, единственным сотрудником которого был Достоевский. Это, как показывает исследовательница, по-

влияло и на восприятие прозы Достоевского, особенно на успех «Братьев Карамазовых». Уже в этот момент успех писателя вышел за рамки образованных читателей, разделявших с ним эстетические и политические взгляды, — однако после смерти Достоевского и благодаря появлению дешевых популярных изданий его сочинений читать произведения писателя стали люди из самых разных кругов. Более того, уже в тот момент появились попытки сделать из Достоевского «народного» и даже детского писателя, выбирая из его сочинений удобные для этого отрывки. Случай Толстого рассматривается Вассеной на примере газетных публикаций, посвященных его 80-летию юбилею. С точки зрения исследовательницы, вместо критически мыслящего и независимого читателя эти публикации рассчитаны на легкое манипулирование публикой с помощью упрощенных и мифологизированных образов писателя. В этом контексте было в принципе бессмысленно говорить о «настоящем» Толстом: массовые издания фактически закрыли среднему читателю доступ к хоть сколько-нибудь достоверной и значимой информации о писателе.

В целом отдельные главы, вошедшие в том, складываются в непротиворечивое повествование о постепенной модернизации, частью которой, как известно, было развитие массовой грамотности и чтения светской литературы. Все большее распространение вестернизированной литературы и рекреационного чтения было связано не просто с модой или с появлением новых привычек и эстетических вкусов, а с формированием современного общества, где литература играет важную роль, создавая запас общих ценностей, образов и символов (в рецензируемой работе этот аспект особенно ясно обсуждается в главах Вдовина и Лейбова и Левитта). Русское читательское сообщество, как показывают авторы книги, было в целом похоже на западноевропейское: его представители интересовались теми же жанрами и направлениями в литературе и воспринимали их сквозь призму схожих эстетических категорий и аффективных реакций (об этом много говорится, например, в главах Стоуна и Бауэрс), их читательские предпочтения определялись теми же социальными институтами, скажем школой или массмедиа, выполнявшими в целом схожие функции (об этом идет речь в главах Вдовина и Лейбова, Рейтблата и Вассены). В то же время российский читатель оказывается более «отсталым»: в книге неоднократно подчеркивается, что читало вообще меньше россиян, чем европейцев, а сами читатели были значительно более фрагментированы (см., в частности, главы Рейтблата и Левитта).

В целом соглашаясь с этими взглядами, мы хотели бы обратить внимание на две лакуны, связанные с многообразием читательских групп в Российской империи. Во-первых, в книге сделан явный акцент на привилегированного столичного читателя. Только или по преимуществу о таких читателях и ориентирующихся на них авторах пишут Хитрова, Стоун, Тименчик; очень много о них в работах Вассены. Во многом это связано с объективно существующим недостатком материала, посвященного другим потребителям литературы: подавляющее большинство других читателей почти не оставило отзывов о своих впечатлениях. Тем не менее главы Головиной и в особенности Питер-Смит показывают, что даже более пристальное внимание к региональным различиям помогло бы создать более сложную картину. Сами интеллигенты второй половины XIX в. представляли себе Российскую империю как населенную прежде всего «простым народом». Однако в действительности среди читателей литературы того времени были не только дворяне, интеллигенты и крестьяне — интересно было бы хотя бы попытаться выяснить, что и как читали, например, цензоры, купцы или мелкие чиновники. Отчасти об этом речь заходит в главах Ребеккини и Рейтблата, однако специально вопрос о чтении среди представителей этих групп в работе не поднимается. Помимо гимна-

зий, можно было бы обратить внимание и на учащих других школ, например церковно-приходских или мусульманских.

Другая лакуна, как кажется, связана с анализом преимущественно русских и отчасти украинских читателей. Между тем книги в Российской империи читали далеко не только представители этих народов. Даже если ограничиваться собственно чтением на русском языке (именно так поступило подавляющее большинство авторов работы), все равно едва ли можно исключать из рассмотрения многочисленных нерусских обитателей империи. Что и как, например, читалось в Варшаве, в Вильнюсе или в Ташкенте, чем отличались читательские практики обитателей этих регионов от московских или владимирских дворян? Разумеется, вопрос этот исключительно сложный хотя бы в том отношении, что требует учета множества источников на разных языках, кроме русского. Тем не менее он представляет, как кажется, большой интерес, тем более что такой подход позволит обсуждать вообще связи между разными литературами, распространенными в Российской империи. В конце концов, жители этого государства писали и читали не только по-русски, но и на польском, татарском, идише, немецком, финском и многих других языках.

В рецензируемой монографии российские читательские практики рассматриваются прежде всего на фоне западноевропейских; особенно это заметно в главах Ребеккини, Стоуна и Бауэрс. В смысле генезиса такой подход вполне понятен и логичен: в конце концов, и жанры, и тексты, и литературные институты типа журналов или библиотек в Российской империи действительно заимствовались прежде всего из французской, немецкой или английской литератур. Однако в течение «долгого девятнадцатого века» эти процессы культурного трансфера шли в рамках общей глобализации, которая по определению затрагивала весь мир. Вестернизированная литература появлялась не только на русском, но и на турецком, арабском, японском и других языках (о роли культуры в процессах глобализации речь, например, заходит в известной работе Юргена Остерхаммеля «Трансформация мира», посвященной глобальной истории XIX столетия)³. Прямых контактов между этими литературами было, по всей видимости, немного, однако это не значит, что между ними нельзя проводить типологических параллелей. Напротив, такой подход, как кажется, мог бы стать следующим шагом для компаративного изучения литератур.

Разумеется, мы вовсе не упрекаем авторов интересной и важной книги в том, что они не создали принципиально нового подхода к типологическому описанию русской литературы. Большая обобщающая работа такого рода, как представляется, ценна тем, что показывает, чего наука уже достигла и какие перспективы могут перед ней открываться. Перспективы истории чтения после прочтения рецензируемой книги кажутся очень значительными: возможно, именно эта область поможет научиться говорить об истории русской литературы таким образом, чтобы сделать эту дисциплину интересной и значимой.

3 См.: *Osterhammel J. The Transformation of the World: a Global History of the Nineteenth Century*. Princeton: Princeton University Press, 2014.